

тов, для которых «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса стало настольной книгой, произвольно переделывая периодизацию истории первобытного общества или перемещая, вопреки Энгельсу, индейцев-пуэбло со средней ступени варварства на низшую, австралийцев со средней ступени дикости на высшую. Нельзя нарушать бюджет времени нашего студенчества, отводя на курс по истории первобытного общества 650 стр. (да еще готовится к печати третья часть!). Благодаря самостоятельному преподаванию этнографии и введения в археологию на лекционный курс истории первобытного общества отводится всего 20—24 часа. Правда, в книге проф. В. И. Равдоникаса имеется и мелкий шрифт, который с 15 страниц в первой части возрос до 52-х во второй, но это не спасает студентов от перегрузки, особенно в силу необычайной трудности и неточности изложения проф. В. И. Равдоникаса. Так, например, сорорат он определяет как «соучастие (!) сестры в половой жизни другой сестры» (стр. 58). Он пишет о «подготовке урожая для хранения в запасах» (стр. 19), о «письменных известиях и старых книгах XVII—XVIII веков» (стр. 41). Трудно понять, например, такое предложение: «Такова, например, в западной Европе культура колоколовидной керамики, получившей название по типичным для нее сосудам колоколовидной формы, украшенным располагающимися горизонтальными полосами или зонами орнаментом из геометрических узоров, плетений, горизонтальных линий, вигвагов и т. д.» (стр. 326). Образовательное значение книги снижается еще и тем, что рисунки в ней описаны слишком кратко, не всегда раскрыто значение отдельных изображений, источники их не указаны, наряду с ценными зарисовками памятников встречаются не всегда надежные реставрации. Плохо разработан научный аппарат; нет ссылок на цитируемые работы, автор часто ограничивается лишь указанием фамилии ученого и даже не приводит названия самой работы.

Все это позволяет считать «опыт» проф. В. И. Равдоникаса неудачным, так как он не дал учебного пособия по истории первобытного общества, пригодного для советского студенчества.

Проф. В. К. Никольский

Проф. В. Н. Дьяков, История римского народа в античную эпоху, ч. I. Уч. зап. МГПИ им. Ленина, т. XLVI, вып. 2, 1947.

Первая часть труда проф. В. Н. Дьякова «История римского народа в античную эпоху» представляет собой интересную попытку дать такое пособие, которое, по словам автора, не будучи учебником обычного типа, вводило бы читателя «более глубоко и равносторонне в круг вопросов, связанных с изучением истории древнего Рима» (см. предисловие). Этими словами определяется своеобразие рецензируемой работы, а поэтому сразу же отпадает ряд требований и условий, удовлетворения которых мы вправе ожидать от учебника «обычного типа».

Очевидно, вышеупомянутой установкой обусловлен тот факт, что концепция автора дана всюду чрезвычайно резко и определенно. Это ощущается уже в самом названии курса, в котором автор как бы хочет подчеркнуть, что он не столько интересуется историей римского государства, каковая является обычно основным содержанием курсов римской истории, но историей римского народа. Подобную постановку вопроса можно только приветствовать; однако на основании знакомства с первой частью книги пока еще трудно судить, сможет ли автор оплатить выданный им крупный вексель. Наоборот, нам хотелось бы со всей силой подчеркнуть то обстоятельство, что трудности, стоящие перед автором, по мере его углубления в материал римской истории и по мере развития и продолжения курса будут неуклонно возрастать. Если понятие «римский народ» применительно даже к раннему периоду римской истории может вызвать ряд соображений явно дискуссионного порядка, то какое же содержание вложит автор в это понятие и как он распространит его на население римских земель в период превращения Рима в великую

«средиземноморскую державу и, тем более, к эпохе римской империи? Кроме того, некоторое недоумение вызывает заключительная часть заглавия, ибо если уже говорить о римском народе, то о какой же иной эпохе может идти речь, кроме античной?»

Достоинством книги является живость и яркость изложения. В этом чувствуется огромный педагогический опыт и мастерство В. Н. Дьякова. Некоторые разделы книги (например, гл. II, §§ 4 и 5, гл. IV, §§ 3 и 4, гл. V, § 2) читаются с большим интересом, хотя в этих главах отдельные положения автора и не могут быть приняты безоговорочно.

Наиболее крупным достоинством рецензируемого труда является то обстоятельство, что в нем, как это и можно определить на основании вышедшей в свет первой части, достаточно подробно и широко трактуется тот ранний период римской истории, который обычно занимает чрезвычайно скромное место даже в наших лучших учебных пособиях. И в специальной русской исторической литературе эти вопросы тоже почти не разрабатывались. За исключением известных трудов В. И. Модестова, посвященных в основном проблемам доисторической этнологии, нам известны лишь работы Д. Азаревича «Патриции и плебеи в Риме» (1875), Ю. Кулаковского «К вопросу о начале Рима» (1888) и А. Ф. Энмана «Легенда о римских царях» (1896), причем в настоящее время все эти работы в значительной мере приходится признать устаревшими. В советской историографии, за исключением некоторого интереса к этрусской проблеме (см., например, Н. Я. Марр, «Избранные работы», т. I, 1933, стр. 137—148, том II, 1936, стр. 3—126), эти проблемы, к сожалению, вплоть до самого последнего времени также не освещались. Выход в свет первой части «Истории римского народа» проф. В. Н. Дьякова, наряду с опубликованной в середине 1948 г. работой проф. С. И. Ковалева «Проблема происхождения патрициев и плебеев» («Труды юбилейной научной сессии ИГУ»), дают уже возможность судить о понимании советскими историками этого столь сложного для изучения периода римской истории. Точка зрения советских историков по этому вопросу выражена теперь с большей определенностью.

Каково же отношение автора рецензируемого курса к этому периоду, какова трактовка некоторых основных проблем, вытекающих из изучения ранней истории Рима? Здесь мы хотели бы прежде всего остановиться на тех конкретных разделах курса, которые, с нашей точки зрения, дают слишком спорное, или иногда даже неприемлемое истолкование материала.

Наименее приемлемым представляется нам изложение и трактовка так наз. реформы Сервия Туллия. Автор развивает новый взгляд на существо этой реформы. На стр. 63 мы читаем: «Напрасно только эту реформу рассматривают как некое подобие дела Солона в Афинах и видят в ней введение тимократии в Риме...» и дальше: «Нет основания говорить о введении Сервием Туллием тимократии, т. е. конституции с наделением правами пропорционально имуществу, уже потому, что этруски были полными хозяевами и господами в Риме и поэтому производили распределение не прав, а повинностей. И в этом отношении реформа царя Сервия Туллия была характерным для этрусского управления завоеванными территориями мероприятием, одновременно податным и военно-организационным».

На первый взгляд, подобной трактовке реформы нельзя отказать в известной логичности и правдоподобию. В самом деле, если мы только признаем факт этрусского владычества над Римом и признаем современность реформы этому периоду истории, то толкование реформы, предлагаемое проф. В. Н. Дьяковым, кажется вполне вероятным. Аналогия с реформами Солона—Клисфена вполне могла быть навеяна аналитической традицией, приспособлявшей события отечественной истории к греческим образцам. Конечно, сама реформа в том виде, в каком она сохранена традицией, есть в значительной мере искусственное и этиологическое построение.

Но и гипотеза В. Н. Дьякова представляет нам в значительной степени искусственной. Автор не обосновывает ее конкретно-историческим материалом (да это едва ли и возможно), и она возбуждает у читателя ряд недоуменных вопросов. Таков, например, вопрос о том, в чем выражалась сама «подать», ибо для традиционной эпохи, т. е. для начала VI в., не может быть и речи о денежном ее выражении.

Развивая свою точку зрения на реформу Сервия Туллия, В. Н. Дьяков попадает в противоречие с оценкой реформы, данной Энгельсом.

Энгельс, как известно, высоко оценивал значение реформы Сервия Туллия, считая ее революцией, положившей конец древнему родовому строю (Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 107). Таким образом, в понимании Энгельса—это революция, идущая снизу, от народных (плебейских) масс; в трактовке же В. Н. Дьякова—это мероприятие, идущее сверху, т. е. от этрусских властителей.

Классические выводы и имя Энгельса даже не упоминаются автором в главе, посвященной реформе (стр. 61=65), что является крупным недостатком рецензируемой работы. Кроме того, по одному из своих выводов он вступает еще в одно противоречие с Энгельсом. В «Происхождении семьи, частной собственности и государства» говорится об образовании рабовладельческого государства в Риме применительно к эпохе С. Туллия (VI в.), автор рецензируемого труда считает возможным говорить об оформлении классового общества и государства в Риме только в результате «революции V—IV вв.» (стр. 98, 100, 119, 128).

Чрезвычайно спорным представляется нам и понимание войн, ведшихся Римом в V—IV вв., как «150-летней внешней борьбы Рима за независимость» (гл. IV, стр. 68—80). Автор здесь странным образом оказывается в плену римской патристической традиции, против чего он сам предостерегает (стр. 78) и целиком переходит на «проримские» позиции; конечно, оборонительный характер войны против галльского нашествия не может вызвать серьезных возражений, но даже ранние войны с вейями, вольсками, эквами и сабинами едва ли могут рассматриваться только как оборона Рима от внешней агрессии, как борьба римлян «на четыре фронта» против «наседавших на него со всех сторон врагов» (стр. 72). Те свидетельства Ливия, на которые опирается В. Н. Дьяков [и которого, кстати, он сам называет апологетом римской старины (стр. 80)], рисуя свою картину «150-летней оборонительной борьбы Рима» (например, Liv., II, 48, 7; 63, 7; III, 6 и т. д.), несомненно, тенденциозны и не могут быть положены в основу нашего представления о ранних войнах Рима без проверки их методами серьезной исторической критики. Чувствуя, очевидно, что изложенная в гл. IV концепция 150-летней борьбы римлян за свою независимость может вызвать серьезные возражения, автор делает оговорку относительно того, что «Рим и его союзников в этой борьбе нельзя, конечно, как это иногда делается (С. У.) рассматривать только как страдающую сторону» (стр. 79),— и дальше идет упоминание о разновременных походах отдельных патрицианских родов и «римской общины в целом». Однако эта оговорка ничего не меняет в общей картине, широкими мазками набросанной в гл. IV, но лишь звучит явным диссонансом.

В связи с изложением и оценкой ранних римских войн перед нами возникает другой вопрос: отношение автора рецензируемой работы к традиции. Оно представляется нам не всегда последовательным. Наряду с общей установкой и стремлением автора избежать опоры на традицию, наряду с критическим отношением к ней, автор иногда неожиданно привлекает как раз наиболее сомнительные свидетельства и данные традиции. Только что был указан пример безоговорочно доверчивого отношения к патристической интерпретации войн V—IV вв. у Ливия. Глава VI начинается с критики римской исторической традиции (стр. 98—99) и в дальнейшем, излагая ход борьбы между патрициями и плебеями, автор нередко подчеркивает «усердную чистку и подтасовку материала» (стр. 105) римскими историками, дублирование событий (стр. 114), тенденциозное извращение фактов (стр. 115), а иногда и полную фантастичность передаваемых традицией легенд. Но вместе с тем в этой же главе трижды (стр. 107, 111, 113) упоминается, как историческое лицо, Кориолан, а из высказываний автора об ожесточенной борьбе, предшествовавшей появлению законов XII таблиц, и Кориолане (стр. 113) следует, что здесь считается возможным доверять тому же Фабию Пиктору, по поводу которого немногими строками ниже (стр. 115) сказано, что доверять ему нельзя (о децемвирате). Менений Агриппа с его, по словам Маркса, «пошлой басней» упоминается автором один раз, видимо, как пример тенденциозного извращения событий римскими историками (стр. 105), а на следующей странице его

миссия на священную гору оказывается историческим фактом (стр. 106). Речи трибунов V в. у Т. Ливия В. Н. Дьяков рассматривает, как «проицированные в старину варианты ораторских выступлений вождей народной партии I века» (стр. 98), а вся история с борьбой за проведение законов Лициния-Секстия, как и содержание самих законов, рассказаны строго по Ливию и без всяких оговорок, хотя, с точки зрения критиков традиции (например, Низе, Белоха, де-Санктиса, Пайса, Р. Ю. Виппера и др.), это такое же «проицирование в старицу» политической борьбы и политических лозунгов II—I вв., как и упомянутые речи трибунов.

В чрезвычайно ярко написанном географическом обзоре (гл. I, стр. 7—12) мы должны отметить некоторое внутреннее противоречие и одновременно некоторую переоценку географического фактора. В самом начале обзора говорится: «географические условия и топографические данные следует, конечно, изучать не как исторические факторы, какими они являются в относительно малой мере» (стр. 7). Однако этому правильному утверждению довольно резко противоречит делаемый несколькими строками ниже вывод автора: «действительно морское положение на Апеннинском полуострове...—о с н о в н о й ф а к т (разрядка наша.—С. У.) во всей древней истории и Италии, и римского народа» (стр. 7—8).

Не совсем удачно, с нашей точки зрения, охарактеризована этногоническая теория Марра и, в частности, положительные стороны этой теории (стр. 21—23). Автор здесь ограничивается лишь несколькими общими фразами по поводу «близости» теории Марра «с общими марксистско-ленинскими установками». Было бы желательно несколько переработать этот небольшой раздел и после изложения основных выводов Марра указать, в чем конкретно заключаются сильные и слабые стороны его теории.

В гл. III переоценивается роль культурного фактора (ср. с итогом гл. 1, § 2, стр. 17—18). Об этом свидетельствуют уже самые заголовки § 3 и § 4 (стр. 52, 61), в особенности заголовки «Влияние этрусской культуры на Рим», хотя на самом деле речь идет не только о влиянии этрусской культуры, но и о покорении Рима этрусками и о глубоких изменениях в социально-экономической основе римской общины (см. трактовку реформы Сервия Туллия!) в связи с этим завоеванием. Переоценка культурного фактора сказывается и в том, что, например, успехи этрусской экспансии в Италии объясняются превосходством «этрusской культуры» (стр. 55), тогда как, очевидно, на первое место следует выдвинуть соображение о превосходстве социально-экономической базы этрусского общества, тем более, что сам автор подчеркивает высокий уровень этрусской техники, сельского хозяйства и торговли (стр. 56—57). Возможно, что В. Н. Дьяков термин «этрusская культура» толкует распространительно и включает в это понятие не только явления культуры в специфическом значении слова, но тогда не менее резко придется возражать против такой расплывчатой терминологии (см., например, «культурные излучения», стр. 61).

В связи с этим несколько слов о терминологии автора. Она не всегда бесспорна и в отдельных случаях грешит «модернизаторским уклоном». Так, едва ли можно говорить о латинских «городах» VI в., как о бойких центрах ремесленной и торговой деятельности (стр. 66), причем не только в смысле терминов, но и по существу (ср. с «бойким рынком» под Авентином в VIII в., стр. 36). Еще менее удачны такие определения, как «бродяги и нищие, вроде греческих фетов» (стр. 100), «римский пролетариат I века» (стр. 104) и, наконец, характеристика нобилей как «зажиточных мужиков-скопидомов кулацкого (I—С. У.) типа» (стр. 131).

В заключение—об оформлении книги. Нельзя не пожалеть об отсутствии иллюстраций, которые прямо необходимы в разделах, посвященных археологии (гл. I, § 2, стр. 13—18; гл. II, § 3, стр. 33—36; гл. III, § 1, стр. 49—50) и культуре (гл. III, §§ 2 и 3 стр. 50—61) и отсутствию географических карт, наличие которых значительно бы могло усвоению многочисленных терминов и названий (например, в гл. I, § 1, стр. 7—12 и т. д.). Но если отсутствие карт и иллюстраций можно извинить материальными возможностями издания, то ничем не может быть оправдано поистине огромное количество опечаток. Перечислить их нет никакой возможности. Особенно пестрит ими иноязычный текст и, в частности, немногочисленные греческие названия и термины. Так,

например, в названии труда Диодора βιβλιοθήκη ιστορική в каждом слове по две опечатки, в названии труда Дионисия Ρωμαϊκή ἀρχαιολογία— в каждом слове по три опечатки и т. д. Но опечатки встречаются самым необъяснимым образом и в русском тексте: например, «Торенто» (?) на стр. 16, «С. М. Жебелев» (надо—С. А. Жебелев) на стр. 19, неправильна дата смерти Н. Я. Марра на стр. 21, «нарушимости» (вместо нена-рушимости) на стр. 94, «Волер (? Публий)» на стр. 107 и т. д. и т. д. Это ничтожная часть замеченных нами опечаток, обилие же их, несомненно, портит впечатление от книги. Она должна быть переиздана с устранением указанных противоречий, неясностей и опечаток в тексте.

С. Л. Утченко

ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ Н. А. МАШКИНА «ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО РИМА»

Вышла в свет книга Н. А. Машкина «История древнего Рима», допущенная Министерством высшего образования СССР в качестве учебного пособия для исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов (ОГИЗ, 1947 г.). Книга представляет собой объемистый том (679 стр.) и состоит из следующих разделов: источниковедение и историография древнего Рима (стр. 5—58), доримская Италия в древнейший период истории Рима (стр. 59—100), эпоха ранней республики (стр. 101—134), превращение Рима в сильнейшее государство Средиземноморья (стр. 135—156), Рим и эллинистические государства в первой половине II в. до н. э. (стр. 157—173), римское общество в середине II в. до н. э. (стр. 174—205), эпоха гражданских войн (стр. 206—355), эпоха ранней империи (стр. 356—517), кризис III в. (стр. 518—540) и, наконец, последний раздел: поздняя Римская империя (стр. 541—585). Таким образом, в книге дается систематическое изложение истории древнего Рима в полном соответствии с программой этого курса для исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов. Следует отметить удачный подбор иллюстраций, карт и тщательно разработанных указателей: подробный библиографический указатель, составленный самим автором, хронологические и справочные таблицы, указатель имен, географических названий, исторических терминов и важнейших событий. Карты составлены не только в соответствии с определенными этапами истории Рима, но и применительно к отдельным историческим событиям, например, дается схема похода Ганнибала в Италию.

В мае 1948 г. на заседании Ученого совета Института истории АН СССР при участии кафедры древней истории МГУ состоялось обсуждение этой книги. В обсуждении приняли также участие члены кафедр древней истории МГПИ им. Ленина, областного и городского педагогических институтов. Председательствующий чл.-корр. АН СССР С. Д. Скажин предложил обсудить книгу не только по существу ее содержания, но и с точки зрения чисто педагогической, как учебное пособие.

Вступительный доклад сделал С. Л. Утченко. Отметив, что выход в свет нового большого курса по истории Древнего Рима является чрезвычайно положительным фактом и значительным событием в научной жизни, докладчик показал, что в целом этот курс построен удачно и представляет собой солидное учебное пособие для студентов.

Архитектоника книги, по мнению докладчика, удачна, изложение материала компактно и вместе с тем дает полное освещение всех сторон истории римского общества. Каждый раздел построен так, что в нем наряду с политической историей излагаются вопросы экономики, культуры, социальные проблемы, политические идеи и т. д. Книга отличается точностью изложения и почти полным отсутствием фактических ошибок.

С. Л. Утченко отметил также удачно выбранную Н. А. Машкиным авторскую позицию, при которой отсутствует бесстрастное «объективистское» изложение, но вместе с тем не привносятся спорные, «оригинальные», не доказанные еще гипотезы и концеп-